

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНЕЙ АМЕРИКЕ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Америка была заселена из Северо-Восточной Азии несколькими последовательными волнами. Древние охотники двигались по широкой полосе суши, соединявшей Сибирь с Аляской, очевидно вслед за стадами крупных животных. Южный берег, соединявший материки суши, шел от пролива Унимак (Алеутские острова) в общем направлении на мыс Наварин. Места древних стоянок находятся сейчас под многометровым слоем воды и донных отложений. Максимальное понижение уровня океана (до 140 м) имело место около 40 тыс. лет назад. По-видимому, в это время (35–22 тыс. лет назад) в Америку проникла первая волна переселенцев из Азии³. В дальнейшем связь между материками прервалась на длительное время, в течение которого в Америке сложился особый вариант палеолитической культуры с характерными желобчатыми наконечниками копий и дротиков. Желобки делались для стока крови, от потери которой раненое животное быстро теряло силы. Если относительно первой волны переселенцев ведутся споры, то большинство археологов согласно с датировкой переселения, имевшего место 12–10 тыс. лет назад. Исходной территорией при заселении Америки могли быть обширные области, включая Тихоокеанское побережье, в дальнейшем погрузившееся в океан вместе с перешейком. Возможно, что переселенцы двигались из разных мест, в том числе континентальной Сибири⁴ и Приморья (включая древнюю затонувшую полосу суши до Хоккайдо и Курильских островов).

Группы переселенцев первой волны находились на стадии леваллуа-мустье, т.е. еще не имели племенной организации и языка, а жили так называемыми «первобытными ордами» (они же «первобытные стада») и охотились главным образом на крупных животных (мамонт, бизон, лошадь, верблюд, лама, гигантский ленивец и т.п.). Охота на крупную дичь была совершенно необходима для обеспечения «орды» пищей на несколько дней, так как относительная слабость и неловкость людей (по сравнению с одиночными хищниками) не давали возможности регулярно убивать мелкую дичь. Охота требовала объединения в большие группы. Численность «первобытной орды» определяется

³ И.П. Ларичев, Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск, 1976.

⁴ Ю.А. Мочанов, Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии, По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970.

в 20–40 человек (обоего пола и всех возрастов). Первые «орды» в Америке еще не знали каменных наконечников и пользовались в качестве оружия, по-видимому, пикой с деревянным острием (вероятно, закаленным на огне) и дубиной. Из каменных орудий они употребляли ручные рубила (часто из речной гальки), обтесанные с одной (чопперы) или с двух (чоппинги) сторон, которые годились скорее для разделки туши, чем для охоты. В связи с этим обстоятельством можно предполагать, что в охоте на крупного зверя участвовали все, включая женщин. Главная задача состояла в том, чтобы испугать зверя криками и загнать в безвыходное положение (например, к обрыву или в болото), что наиболее квалифицированным образом могли сделать именно женщины, а потом уже добывать метательными камнями, пиками и дубинами. Ночью для загона кроме криков, вероятно, широко использовались факелы из смолистых ветвей. Охотничью роль криков в древности можно оценить, если учесть, что от индейского воинственного клича (протяжный пронзительный вопль по образцу девичьего визга) бизон мог упасть в обморок, а медведь «в полной беспомощности покидает свою берлогу или падает с дерева»⁵.

Кроме крупных зверей первобытные охотники при первой возможности, конечно, убивали любую другую дичь (на стоянках встречаются кости кролика, енота, мыши, крысы, панцири черепахи), а также собирали яйца, съедобных улиток, соты и, естественно, съедобные плоды, листья, коренья, грибы и тому подобное, хотя их остатки не могли сохраниться, кроме разве вишневых косточек, найденных на стоянке Левисвилл в Техасе.

«Первобытная орда» была объединением зоологического типа, в которой шел с увеличивающейся скоростью процесс очеловечивания (сапиентации), обусловленный необходимостью восполнить недостаточность органов нападения-защиты и общую непри приспособленность тела для жизни в сложившихся экологических условиях. Благодаря освоению орудий и огня предки людей не только выиграли «битву за жизнь», но и заняли господствующее положение, нарушив прежнее экологическое равновесие.

То обстоятельство, что первобытные охотники до верхнего палеолита имели организацию зоологического типа и соответствующую сигнализацию, отнюдь не препятствовало применению сложных приемов охоты и т.п. Не касаясь вопроса о «мышлении» животных, можно констатировать, что объединения хищников (включая «одиночных», вроде медведя) обычно имеют свою охотничью территорию, которую точно маркируют и защищают от «конкурентов», употребляют сложные приемы охоты (включая загон в естественную ловушку, обход с тыла сила-

⁵ Дж. Таннер, Тридцать лет среди индейцев. М., 1963, с. 179.

ми нескольких особей, прежде чем остальные нападут спереди, заманивание путем подражания крику в брачный период и т.п.), оборудуют логово и делают запасы пищи.

Особенно большой интерес представляет вопрос о том, к какому типу объединения относилась «первобытная орда». Прежде всего следует отметить, что объединения у антропоидов и других обезьян не могут быть отождествлены с объединениями предков людей или считаться их исходной формой. Тип объединения вообще связан прежде всего с экологическим сообществом, а не с анатомическим строением при прочих равных условиях. Наоборот, длительное существование определенного типа объединения (например, «гарема») могло привести к соматическим изменениям (например, к развитию резко выраженного полового диморфизма), но и в этих случаях тип объединения не сохранится, если изменятся экологические условия. Объединения антропоидов, хотя и способных съесть мелкую дичь, но питающихся в основном плодами (поиск которых сводится только к поискам нужного дерева), находятся в совершенно иных экологических условиях, чем «первобытная орда», вынужденная заниматься (подобно объединениям хищников) в основном совместной охотой на крупных животных (часто устрашающих размеров).

Хищники с мощными мускулами, зубами и когтями, способные по экологическим условиям в одиночку поймать добычу, живут обычно «нулевыми» объединениями, в которых пара сходится только на брачный период, а детеныши покидают самку, достигнув возраста зрелости. Но в других экологических условиях проявлялось и другое объединение, например львы охотились прайдами до 18–20 особей разного пола, причем применялись сложные приемы охоты.

У многих травоядных млекопитающих встречаются объединения типа «гарема» (сходство с человеческим гаремом, конечно, чисто внешнее). Этот тип объединения имеет важные преимущества, а именно четкую организацию «управления» и многочисленность потомства, но его важнейшим недостатком является незаменимость самца-вожака другими членами объединения. В случае гибели вожака объединение распадается. У животных с этим типом объединения может быть резкий половой диморфизм и, если позволяют условия, круглогодичное размножение, т.е. короткий половой цикл.

У обезьян встречается также «сложный гарем», состоящий из нескольких «гаремов» под общим управлением вожака (имеющего, конечно, собственный «гарем»), но такое объединение не отличается устойчивостью и не ведет сложных операций типа совместной охоты, требующих четкой координации действий.

Значительно реже, чем «гарем», у млекопитающих встречается смешанное объединение с особями обоих полов. Оно отмечено

не только у хищников (например, диких собак), но и у вегетарианцев (например, лемурув). К числу важных преимуществ смешанного объединения относится возможность замены вышедшего из строя вожака, а к числу недостатков — временный распад объединения на пары во время брачного периода и невозможность перехода к круглогодичному размножению, которая приводила к полному распаду смешанного объединения на «гаремы», т.е. к переходу на иной тип объединения, приспособленный для круглогодичного размножения. Это была постоянная угроза для смешанного объединения, потому что тенденция к круглогодичному размножению проявляется, как только возникают благоприятные условия (т.е. прежде всего соответствующие пищевой и термостатический режимы). Переход к круглогодичному размножению связан только с гормональной деятельностью, сравнительно легко изменяющейся под влиянием внешних факторов. Например, домашние мыши умеренных широт перешли на круглогодичное размножение (с 40-дневным циклом), а у их полевых родичей, естественно, осталось сезонное размножение.

«Первобытная орда», конечно, не могла быть простым «гаремом», состоящим из женщин и незаменимого вожака, или неустойчивым «сложным гаремом». По-видимому, это было смешанное объединение с примерно равным числом особей обоего пола, устойчивое в силу возможности замены погибших вожаков и специально приспособленное для таких совместных операций, как охота на крупных животных. Свойственное смешанному объединению сезонное размножение сохранялось при суровой полуголодной (судя по неразборчивости в пище) жизни. Однако ускоряющийся процесс очеловечивания привел к изменению условий жизни. Усовершенствование оружия и способов охоты улучшило пищевой режим. В качестве жилья были освоены пещеры, за которые, по-видимому, шла долгая и упорная борьба с медведями. Пещеры, огонь, одежда и подстилки из шкур обеспечили до некоторой степени постоянный термостатический режим, не зависящий от погоды. Достижения в области материальной культуры не могли не сказаться на биологических особенностях организма древних людей. Значительное улучшение пищевого и термостатического режимов должно было вызвать, как и у животных, изменения в эндокринной системе, т.е. переход к круглогодичному размножению с коротким циклом (первоначально, очевидно, как у обезьян, стерильным в течение ряда месяцев).

Наметившаяся тенденция перехода к круглогодичному размножению грозила катастрофическими последствиями «первобытной орде». Внутренние распри подрывали сплоченность, необходимую при совместной охоте и других общих делах, а распад на мелкие группы вел к верной гибели. Единственная возможность спасти «орду» состояла

в решительном и свирепом преследовании нарушителей установившегося прежнего порядка (которые вначале появлялись эпизодически). Следует отметить, что для такого преследования нарушителей вовсе не требовалось наличия речи, введения новых запретов или заключения какого-то «общественного договора», потому что преследованию подвергались не те, кто следовал старым «обычаям», а, наоборот, те, кто нарушил привычный порядок. Совместное преследование «нарушителей порядка» вполне свойственно зоологическому смешанному объединению.

Таким образом, во времена «промискуитета» отношения между полами регулировались биологическим механизмом (сезонное размножение), а не какими-либо сознательными правилами⁶.

Тенденция к круглогодичному размножению продолжала неуклонно нарастать и вынудила если не всех, то большинство взрослых искать на стороне встреч с членами других «орд». Такие встречи были, очевидно, тайными, являясь, сверх того, «самовольными отлучками», но по существу не нарушали установившийся порядок, и «орда» могла нормально функционировать. В конце концов две соседние «орды» оказывались фактически состоящими в групповом браке, причем все знали о том, что происходят «тайные встречи».

Эти «тайные встречи» первоначально могли быть продолжением знакомств, возникших в «брачный период», когда «орда» временно распадалась. В этот же «брачный период» могли уже открыто встречаться члены соседних «орд», состоящие в фактическом браке. В дальнейшем «брачный период», уже утративший биологический смысл, остался в качестве времени открытого группового брака, пережитки чего сохранились в сезонных праздниках. Фактически возникла дуальная организация, легшая в основу племени.

Дуальная организация (а в дальнейшем племя) — принципиально новая форма по сравнению с зоологическим объединением млекопитающих, так как это объединение объединений, т.е. единица на порядок выше. Животное всегда является членом только одного объединения, каким бы сложным оно ни было, тогда как член «орды» оказался одновременно и членом дуальной организации. Например, мужчина, встречаясь с женщиной, должен был в первую очередь сообразоваться не с обстоятельствами (как сделал бы зверь), а с тем, является ли она

⁶ Ф. Энгельс, поясняя, что следует понимать под неупорядоченными половыми отношениями, пишет: «Это значит, что запретительные ограничения нашего или какого-нибудь более раннего времени не имели тогда силы» — и далее: «Но отсюда еще отнюдь не следует неизбежность полного беспорядка в повседневной практике этих отношений» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. Т. 21. С. 40, 41).

«сестрой» или потенциальной «женой». С появлением языка сложившаяся практика была подтверждена экзогамными запретами отношений между полами в пределах бывшей «орды» и эндогамными запретами, которыми признавался фактически существующий групповой брак и охранялось единство племени.

Возникновение племени с его неизмеримой сложностью отношений (по сравнению с зоологическим объединением) сыграло решающую роль в возникновении языка и мышления современного человеческого типа, что уже было подготовлено процессом очеловечивания и стало совершенно необходимым при новой, высшей форме организации, требовавшей и адекватной сигнализации высшего типа.

В объединениях млекопитающих сигнализация более или менее развита в зависимости от типа объединения и экологических условий. Общее количество сигналов отдельных объединений доходит до нескольких десятков. Каждый сигнал передает сообщение об определенной ситуации, имеющей место в момент подачи сигнала, в связи с чем сигналы в объединениях животных не могут передавать сведения о ситуациях прошедших и будущих и соединяться в цепочки (ряды). Возникновение человеческой речи связано с рядом принципиальных изменений в сигнализации, среди которых следует особо отметить разложение ситуации на триаду «субъект — действие — объект», с тем чтобы все элементы триады передавались отдельными сигналами, связанными в цепочку, т.е. последовательно артикулируемыми. Разложение на триаду имело колоссальные последствия. В самом деле, появлялась возможность путем простой подстановки элементов описать не только ситуацию, которая есть или была или которая была и опять будет, а и такую, которой не было, но может быть, и такую, какой вообще не бывает. Иначе говоря, открывалась возможность для моделирования ситуаций, в чем прежде всего и состоит мышление. Основной функцией языка стала не коммуникативная (как в сигнализации зоологических объединений), а моделирующая. Начало верхнего палеолита ознаменовалось появлением орудий для производства орудий, что требовало именно способности моделировать ситуации. Разложение ситуации на триаду, обозначаемую сигнальной цепочкой, потребовало резкого увеличения количества сигналов. Эту проблему можно было решить в принципе двумя путями — либо наращивать количество сигналов, либо перейти к комбинированию их, придавая сочетанию двух имеющихся сигналов новое значение. Практически возможен был только второй путь, так как органы артикуляции и слуха не давали возможности резко увеличить количество обычных сигналов. В конечном счете пара сигналов (из которых раньше каждый передавал ситуацию) стала обозначать элемент триады.

Во время возникновения языка применялось только сдваивание. Полученный бином соответствовал наименьшей семантической единице, т.е. приблизительно современной морфеме, но в цепочке выполнял функцию современного слова. Каждая морфема первоначально являлась биномом (в том числе, конечно, и с нулевым компонентом). Учитывая, что количество синхронно употребляемых морфем в любом языке не превышает 1600, можно полагать, что количество исходных сигналов, послуживших материалом для языка, было около 40 (что соответствует примерно количеству сигналов в объединениях высших млекопитающих, в частности антропоидов). Перестановка компонентов бинома при этом, по-видимому, не должна учитываться, так как, скорее всего, на ранних этапах не воспринималась (о чем свидетельствуют, например, перестановки в ранней детской речи).

Появление принципа сдваивания означало увеличение количества сигналов сразу примерно от 40 до 1600. При этом, конечно, принцип сдваивания давал потенциальную возможность образования новых сигналов, но количество реально используемых биномов возрастало по мере надобности.

По ходу образования биномов шел процесс выделения фонем. Составляющие зоосигнала допускали колебания в широком диапазоне и препятствовали однозначному пониманию бинома. В конечном счете бином перестал восприниматься как сочетание двух самостоятельных единиц с новым значением и превратился в радикал (в дальнейшем — в корневую морфему), воспринимаемый как сочетание фонем. Этому, вероятно, способствовала более четкая (для однозначности восприятия) и нейтральная (так как теперь эмоциональная окраска должна была относиться ко всему биному) артикуляция исходных сигналов. Пока бином воспринимался как сочетание двух независимых компонентов, это была наименьшая возможная цепочка, лишенная какой-либо избыточности. Когда бином превратился в радикал и стал восприниматься как сочетание (цепочка) фонем, количество последних сразу оказалось избыточным для передачи одного понятия и процесс сокращения количества фонем в радикале был предопределен. Сокращение количества фонем давало возможность ускорить передачу сообщения, т.е. более быстро и отчетливо произнести фразу.

Исходные сигналы в «первобытной орде» (как и в объединениях млекопитающих) обычно состояли максимум из «закрытого слога», поэтому в радикалах цепочка фонем имела максимальную длину СГС — СГС.

Сокращение количества фонем в радикалах, а затем в морфемах могло идти разными путями, количество которых невелико. При этом в конкретных языках наметились предпочтительные пути сокращения.

В первую очередь, по-видимому, сокращались неслогообразующие фонемы в конце исходных компонентов бинома. При выпадении одной неслогообразующей фонемы максимальная форма радикала могла приобрести следующий вид:

$$\begin{array}{ccccccc} & & & & \text{СГС} & \text{—} & \text{СГС} \\ \text{СГС} & \text{—} & \text{СГ} & & \text{СГ} & \text{—} & \text{СГС} & & \text{СГС} & \text{—} & \text{ГС} & & \text{ГС} & \text{—} & \text{СГС} \end{array}$$

Тенденция к сокращению числа фонем стала особенно актуальной при формировании лексем (т.е. первоначально цепочек из радикалов). При этом морфемы сокращались до артикуляционного минимума (т.е. максимум до закрытого слога), после чего опять сдваивались в биномы с новым значением и начинался новый цикл последовательного сокращения числа фонем в морфеме. Необходимость появления новых биномов вызывалась, помимо потребности в новых понятиях, превышением большого количества морфем-омонимов, что начинало создавать серьезные затруднения для однозначного понимания. Поэтому цикл изменения морфем по фонетическому составу можно рассматривать как периодическое колебание между избыточностью и недостаточностью.

В связи с тем что исходные зоосигналы допускали колебания в широком диапазоне, в каждом языке возник особый набор фонем, количество и акустические свойства которых сильно различались, хотя в силу сходства органов артикуляции во всех языках были и сходные фонемы. В дальнейшем фонемы неоднократно изменялись с общей тенденцией к упрощению, и, вероятно, они имеют весьма мало общего с фонемами первоначальных радикалов. В ряде языков имеются специфические уникальные фонемы. Так, в некоторых языках, распространенных от Хоккайдо и Курильских островов до Мексики, встречается уникальная фонема «тл».

Несмотря на резкие расхождения в общем количестве фонем, количество образованных из них морфем осталось постоянным (т.е. не выше 1600) для всех языков. Сохранение константного количества морфем (примерно равного количеству первоначальных потенциальных биномов) вызвано свойствами человеческой памяти, для которой такой объем является, по-видимому, наиболее удобным. С технической точки зрения стабильное количество морфем поддерживается наличием в каждом языке стандарта морфемы с определенными правилами сочетания фонем (фиксированными ограничениями). Например, в языках с предельным составом морфем СГСГ и СГС могут синхронно употребляться следующие разновидности морфем по сочетанию гласных (слоγοобразующих) с согласными (неслогообразующими):

Полинезийский	Майя
СГСГ	ГС
СГГ	СГ
ГСГ	ГС
ГГ	Г
СГ	
Г	

Далее, могут существовать ограничения, не допускающие сочетания определенных гласных или согласных в пределах одной морфемы, и т.п. В результате оказывается, что общее количество фонем в языке отнюдь не определяет общего количества морфем. Хотя количество морфем в языке оставалось стабильным, их фонетический состав, как показано выше, неоднократно менялся. Восстановление первоначального состава морфем практически возможно, по-видимому, только в пределах одного цикла.

Хотя сокращение количества фонем в морфемах различных конкретных языков шло разными путями, цикл, видимо, всегда состоял из четырех основных фаз, т.е. фонемы выпадали по одной (одновременное выпадение двух фонем из морфемы могло бы препятствовать однозначному пониманию), например:

СГС — СГС	СГС — СГС
СГС — СГ	СГ — СГС
СГ — СГ	СГ — ГС
СГ — С	С — ГС

Если считать, что в следующем цикле фонемы сокращались в таком же порядке, то от прежнего цикла сохранялись весьма немногие компоненты:

СГ-С — СГ-С	С-СГ — С-СГ
СГ-С — СГ	С-Г — С-ГС
СГ — СГ	С-Г — ГС
СГ — С	С — ГС

Фактически в каждом новом цикле применялись, вероятно, различные способы сокращения числа фонем в морфемах. В результате в биномах, например, третьего цикла могло уже ничего не остаться от первоначальных биномов, кроме разве следов влияния исчезнувшей фонемы на соседнюю.

Разложение ситуации на триаду (субъект — действие — объект) и соответственно замена зоосигнала цепочкой радикалов, передающих

элементы триады, с самого начала должно было предусматривать твердую последовательность (будущий порядок слов), без которой цепочка радикалов не могла быть однозначно понята. По последовательности радикалов в цепочке, передающей триаду, языки первоначально могли быть 6 типов:

- 1) субъект — действие — объект;
- 2) субъект — объект — действие;
- 3) действие — субъект — объект;
- 4) действие — объект — субъект;
- 5) объект — субъект — действие;
- 6) объект — действие — субъект.

При этом грамматическое значение радикала вполне определялось его синтаксической позицией. Положение, однако, изменилось в результате введения в цепочку новых элементов (будущих определений и обстоятельства). Из них особенно важна была роль «определения», потому что с его помощью образовывались в практически неограниченном количестве новые биномы из радикалов, во многих случаях имевшие особый смысл, т.е. новые семантические единицы. Для них не вводились новые радикалы, потому что многие такие биномы были неустойчивыми и требовались только для данного разговора, будучи одновременно общепонятными.

Если в биномах, образованных из зоосигналов, последовательность была, по-видимому, безразличной и могла изменяться, то в биномах из радикалов, один из которых становился «определением», последовательность с самого начала должна была быть постоянной, так как перестановка меняла смысл бинома (типа, например, «змеиное дерево» — «древесная змея», «олений лес» — «лесной олень»). Позиция определения, по-видимому, не могла измениться на всем протяжении развития языка до появления маркирующих аффиксов.

Введение в цепочку радикалов, передающих триаду, хотя бы одного определения уже нарушало первоначальную последовательность в цепочке. В результате потребовалась маркировка радикалов специальными показателями первоначальной позиции. Радикалы, используемые для маркировки, затем подверглись редукции, утратив материальное и воспринимаемое сходство с исходными, т.е. превратились в грамматические показатели.

Дальнейшее развитие языка шло по линии уточнения значения бывших радикалов путем увеличения количества маркирующих показателей, в результате чего образовались словоформы, состоящие из корневой морфемы и цепочки служебных морфем (аффиксов). Общее число морфем в словоформе практически, по-видимому, не превышает пяти, но и это количество было избыточным по общему числу фонем и трудным для восприятия. Поэтому дальнейшее развитие языка пошло по

линии упрощения аппарата грамматических показателей. При максимальном развитии этого аппарата порядок слов утратил грамматическое значение и использовался в стилистических целях. При упрощении имелась возможность устранить ряд грамматических показателей, вернувшись к твердому порядку слов, т.е. к маркировке позицией. Далее, можно было сливать два грамматических показателя в один и т.д. Максимальное упрощение аппарата грамматических показателей привело язык в состояние, как бы повторяющее исходное, но на высшем уровне (т.е. с четким служебным аппаратом). При этом многие слова наподобие древних радикалов опять не имели никаких показателей, кроме позиции в предложении, что начало создавать трудности для однозначного понимания фразы, т.е. процесс упрощения зашел дальше устранения избыточности и привел, наоборот, к недостаточности. Для устранения недоразумения с грамматическими омонимами опять требовалась маркировка, и в языке начался новый цикл развития аппарата грамматических показателей. В целом цикл изменений служебного аппарата (как и цикл изменения морфем) является периодическим колебанием между недостаточностью и избыточностью.

«Грамматический цикл», по-видимому, имеет четыре фазы⁷, причем наибольшее «упрощение» имеет место при «аморфном» строе, а наибольшее «усложнение» — при агглютинативном строе. При этом, конечно, каждая фаза в конкретном языке имела свои специфические особенности. Общей для всех языков была только тенденция к «упрощению» или «усложнению» аппарата грамматических показателей. При «усложнении» языки выигрывали в точности ценой введения громоздких цепочек, трудных для восприятия и освоения, а при «упрощении» выигрывали в простоте и краткости построения за счет появления многозначности, тоже трудной для восприятия.

Следует особо отметить, что при диахроническом развитии языка могли возникать противоречивые параллельные формы. Так, в языке майя сочетание двух имен существительных без маркировки означало определение — определяемое («бог-дом» = «божий дом» — «храм»), а с маркировкой стало «конструкцией родительного падежа» («его — дом — бог» = «дом бога» — «храм»). После утраты маркировки в устойчивых бинамах появились параллельные формы с обратным порядком слов («бог — дом» — «дом — бог» — «храм»), в связи с чем наметилась тенденция к специальной маркировке прилагательных, что ранее давалось только позицией. Такого рода явления отнюдь не связаны

⁷ Так как, по мнению ряда исследователей, индоевропейские языки в последнем цикле миновали стадии аморфных, инкорпорирующих, агглютинирующих и флективных языков. Теоретическая интерпретация и библиография имеются в работе: В.А. Успенский, Структурная типология языков. М., 1965.

со скрещением в разных языках препозиции и постпозиции определения.

«Грамматический» и «морфемный» циклы в развитии языка определенным образом увязывались друг с другом в конкретных языках (так, тенденция к «аморфному» строю, по-видимому, сопровождалась тенденцией к моносиллабизму). Однако же в первом «грамматическом» цикле развитие шло по линии усложнения, от недостаточности к избыточности (максимум которой приходится, по-видимому, на третью фазу, после чего начинается «упрощение»), а в первом «морфемном» цикле развитие шло по линии упрощения (достигая максимума в четвертой фазе), от избыточности к недостаточности.

Часто встречающиеся утверждения, что древнейшие языки отличались большей конкретностью, верны только отчасти. Действительно, радикал, передающий элемент триады, отличается от зоосигнала, передающего ситуацию, именно конкретностью. Однако в древнейших языках явно шел и интенсивный процесс образования слов, соответствующих обобщенным понятиям, но при этом классифицировались не ситуации типа «тревога!», а элементы (типа «хищник»). Личные местоимения (по-видимому, восходящие к привлекающим внимание зоосигналам) всегда сохраняли абстрактный характер (причем два из них обозначали попеременно одного из двух собеседников). Возможно, одним из древнейших реликтов, восходящих еще к дуальной организации, являются особые формы двойственного и множественного числа — включительная («я и ты», «я и вы») и исключительная («я и он (она)», «я и они»). По-видимому, именно местоимения стали первыми использоваться в качестве маркирующих показателей.

Возникает вопрос, насколько быстро развились появившиеся в начале верхнего палеолита языки и стали пригодны не только, скажем, для передачи команд во время охоты, но и для передачи устной традиции (что связано с вопросом о нижней границе времени, охваченного древнейшими легендами). Некоторые исследователи склонны преувеличивать возможности легенд и считают, что в них могут содержаться сведения об эпохе даже до возникновения языка. Такое преувеличение, однако, опровергается «естественными экспериментами», когда дети, выращенные зверями, после обучения языку не могли ничего вспомнить и рассказать о прежней жизни. По-видимому, в легендах в принципе не может быть каких-либо воспоминаний о временах до возникновения языка. Другие исследователи, наоборот, склонны преуменьшать возможности легенд и считают, что они не могут содержать сведений о значительно отдаленных событиях. В американских материалах есть любопытный факт, до некоторой степени освещающий этот вопрос. В штате Аризона есть большая котловина, образовавшаяся от падения метеорита, которое произошло, по определению специалистов, около

25 тыс. лет назад. У местных индейцев была легенда о том, что в этом месте с неба спустилось некое божество в облаке огня. Наблюдать падение метеорита можно было только один день. Получается, что языки уже в начале верхнего палеолита были достаточно развиты, чтобы передавать сообщения, не имеющие никакого практического значения, и сохранять их в течение многих поколений. По-видимому, однажды возникшие языки развились очень быстро.

В связи с тем, что переселенцы первой волны находились на уровне ле-валлуа-мустье и еще не имели языка, можно предполагать чисто местное происхождение многих индейских языков, т.е. полное отсутствие генетического родства с языками Старого Света. Пути возникновения дуальной организации, эндогамные запреты и охрана своей территории должны были привести сначала к появлению племенных языков. При этом у племен, разделенных большими расстояниями и естественными препятствиями, очевидно, возникли и совершенно независимые, не имеющие между собой генетического родства языки. В дальнейшем, по-видимому, имели место и дифференциации, и интеграции.

Процессы дифференциации связаны главным образом с численным ростом племени, который приводил к разделению на территориально удаленные друг от друга группы (во избежание относительного перенаселения). При отсутствии частых контактов, естественно, сначала возникали диалекты, а затем и самостоятельные языки, восходящие к исходному племенному праязыку. При исключительных обстоятельствах (например, захват территории вторгшимся племенем или стихийное бедствие) племя могло распаться, а уцелевшие разобщенные группы положить начало новым языкам, также восходящим к древнему племенному.

Процесс интеграции языков на ранних этапах был обусловлен межплеменными контактами, которые, конечно, всегда существовали (иначе, например, незачем было бы вводить эндогамные запреты). Пока преобладала охота на крупных животных, особенных оснований для возникновения устойчивых межплеменных связей и межплеменных языков, по-видимому, не было. При урегулировании межплеменных конфликтов вполне могли использоваться переводчики из числа военнопленных (которых или убивали, или адаптировали), а экстенсивный обмен (огнем и орудиями его добывания, краской, раковинами и т.п.) не требовал знания языка. К концу верхнего палеолита в связи с усовершенствованием оружия и численным ростом племен охотники стали сталкиваться с возрастающими трудностями. Быстрое уменьшение поголовья такой дичи, как мамонты и бизоны, вынудило искать другие источники пищи. Это же обстоятельство привело к вымиранию «конкурирующих» с людьми смилодонов (саблезубых ягуаров), что в дальней-

шем, в свою очередь, вызвало рост поголовья бизонов (детенышей которых поедали смилодоны). Некоторые племена вынуждены были покинуть свою территорию и двинуться в поисках новых охотничьих угодий, фактически, однако, переходя на собирательство.

Следует отметить, что племя, покинувшее свою территорию, попадало, как правило, в катастрофическое положение, так как было вынуждено двигаться по охотничьим территориям других племен, т.е. практически пробиваться силой оружия. В таких условиях племя могло довольно стремительным маршем уйти на громадные расстояния от первоначальной «прародины», прежде чем находило укрытие.

С отступлением ледника степные охотничьи племена двинулись вслед за дичью на север, где встретились с племенами второй волны переселенцев. Последние говорили на языках, возникших в Азии. Вполне возможно, что кризис охоты заставил и некоторые племена второй волны переселенцев из Азии продвинуться далеко на юг. В результате всех этих движений племен первоначальная лингвистическая карта сильно перемешалась.